

Валентина Калиниченко

Как это было

Всю эту бумажную память я бережно храню уже 18 лет.

А сейчас эти пожелтевшие листки навеяли мне строки, сложившиеся в рифму. Не обессудьте. Я не поэт.

Памяти друзей

Листаю справочник свой старый телефонный,
С доаварийных выданный времен,
Как пласт земли держу в руках я многотомный,
Покоящий друзей моих их вечный сон.

Уж восемнадцать лет, как день они промчались,
А старый справочник их память бережет.
В нем имена, фамилии и должности остались,
Как будто дням живых ведет он счет.

Здесь Петр Юшков, Тимоша Пилипенко,
Андрей Боярский, Александр Чубук,
Владимир Заяц, Федор Коваленко,
Совсем уж молодой Алеша Голубченко,

Михаил Ниткин и Олег Дьячук,
И Лопатюк Иван, и Эдуард Титов,
И настоящий друг мой Петя Рогалев.
Их больше нет, нам больше их не встретить,

Ушли из жизни, не дожив свой срок.
 Но маленькая толика весь список этот,
 Их перечень займет немало длинных строк.
 Потери боль мне сердце разрывает,

Стучит печалью в грудь и ночью мне и днем,
 И память нам всегда напоминает:
 Помянем их, всех поименно помянем.

Радиский Г. И.	4-я Комсомольская, 3	5-11-71
Радюк Е. С.	2-й пр. Калинина, 24	5-29-17
Радиховский Х. Ф.	Баюка, 4	5-11-59
Радченко Н. П.	Робкоровская, 10	5-11-19
Раенок Н. Ф.	Толстого, 5	5-26-08
Раенок Н. И.	Шевченко, 17	5-29-85
Райко И. П.	25 Октября, 3	5-18-80
Расюк А. Т.	Кирова, 2 А/16	5-18-42
Ремезенко А. Е.	Советская, 74	5-27-37
Ремезенко Н. Е.	с. Залесье	5-14-85
Решик Г. И.	25 Октября, 33	5-29-38
Решаенко В. Н.	Кирова, 2а	5-13-25
Решляенко У. К.	Б. Хмельницкого, 33	5-12-92
Реут М. А.	Киевская, 53а	5-20-45
Рогалев П. И.	Интернациональн., 72	5-11-28
Рогаленко А. С.	1-й пр. Калинина, 4	5-17-95
Розман А. А.	К-Либкнехта, 4	5-26-30
Романенко М. А.	А. Невского, 5	5-17-38
Романенко М. Я.	Советская, 56а	5-28-39
Романченко В. Е.	25 Октября, 15	5-28-99
Романченко С. А.	Пролетарская, 28	5-11-04
Романченко С. М.	Б. Хмельницкого, 10	5-18-31
Романов Ф. Г.	Ленина, 19	5-29-42
Романчук М. М.	Чапаева, 11	5-11-01
Романчук П. И.	Бутаева, 2	5-20-44
Роменский В. П.	Кирова, 9	5-28-75
Рубанов А. А.	Получанова, 30-9	5-28-37
Рубанов Н. А.	Киевская, 75	5-27-59
Рубанова А. П.	25 Октября, 56	5-17-53
Рубанова З. И.	4-й Киевский пр., 7	5-20-86
Рудаска В. А.	Советская, 57	5-15-24
Руденок А. П.	Бутаева, 19	5-27-02
Руденок В. А.	Бутаева, 15/1	5-29-44
Руденок В. Т.	Киевская, 47	5-28-47
Руденок Н. И.	Краснознаменная, 25	5-27-06
Руденок Ф. П.	Бутаева, 19	5-28-02
Руденок Ю. Ф.	2-я Ореховна, 7	5-17-80
Руденок И. А.	2-й Колхозный пр., 14	5-20-33

52

В ту злополучную ночь, задержавшись не помню уже на каком мероприятии, я приехала в Припять довольно поздно. (Там с двумя маленькими детьми жила моя дочь, и я ежедневно помогала ей возить детей в Чернобыль в детский сад). Домашние уже все спали, и я, приведя в порядок все на кухне, тоже ушла отдыхать. Взрыва я не слышала и, наверное, поэтому не придавала значения разговору под окном кухни рано утром трех молодых людей, один из которых рассказывал о большой яркой вспышке и грохоте оглушительного грома. Увидев из окна комнаты необычную обстановку на КПП у въезда в Новые Шепеличи возле ПМК-169, где по обе стороны шлагбаума стояло несколько автомобилей, я подумала, что опять, наверное, сбежал солдат из Чернобыля-2 или другой воинской части, расположенных вокруг г. Припять. Такое бывало.

Мне пришлось пройти с конца в конец через всю Припять, удостовериться на автостанции, что автобусы действительно из Припяти никуда не выпускают и пойти пешком до выезда из Припяти в Чернобыль.

К счастью, у спуска с моста над железнодорожными путями я встретила тогдашнего заместителя начальника Припятского городского отдела внутренних

дел ныне покойного Василия Федоровича Андриенко, который по моей просьбе дал задание ребятам из ГАИ посадить меня на транспорт, выезжающий из Припяти в Чернобыль. К сожалению, такого транспорта пришлось ждать с 9 до 12,30 под установкой в виде факела, с которой начинался город, пока не ехал автобус с пионерского лагеря «Сказочный».

В Чернобыле чувствовалось большее напряжение, чем в Припяти. Там еще не знали, что на подъездах к Чернобылю скопилось огромное количество автобусов, предназначенных для эвакуации жителей Припяти.

В райкоме партии была такая обстановка, что впору было вывешивать табличку: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Его ответственные работники уже работали в населенных пунктах района. Готовилась посевная кампания. Погода стояла на редкость жаркая. Нужно было гасить и психологическую обстановку, создавшуюся вследствие аварии на ЧАЭС.

Добираться в Припять мне пришлось поэтапно и тоже при помощи работников уже чернобыльской милиции, доставивших меня до въезда в Припять. Пришлось проделать опять пешком путь от въезда до Новошепеличского сада.

В Припяти было спокойствие, даже какая-то беззаботность, официальной информации никакой, ни 26, ни 27 апреля до 13.30, пока по радио не раздался спокойный, но несколько тревожный и необычно напряженный голос диктора Припятского радиоузла Нины Мельник, сообщавшей через каждые 1-2 минуты о готовящейся в 15.00 эвакуации жителей г. Припяти.

Как и обещалось, в 15.00 к каждому подъезду были поданы автобусы. Отъезд жильцов нашего подъезда задержался на полчаса. На первом этаже подъезда жила семья, где молодая женщина, мать двоих несовершеннолетних детей, только накануне вернулась из больницы. У нее было онкологическое

заболевание, и она, ссылаясь на то, что ей все равно осталось жить недолго, ни в какую не хотела покидать свою квартиру.

О маршруте следования представители городского отдела милиции и горадминистрации ничего сказать не могли или не хотели. Поняли, куда едем уже на пути у выезда из Припяти на Полесское. Мне пришлось возле КПП остановить автобус и вместе с дочерью и ее детьми покинуть его, чтобы добраться до Чернобыля.

В руках по сумке с детскими вещами, с детками 4-х и 6-ти лет нам предстоял неблизкий путь до выезда из Припяти на Чернобыль. Жара, пыль. Многие легковые автомобили проезжали мимо нас, некоторые даже с цветочными вазонами на заднем сиденье, но никто из их владельцев так и не остановился. Спасибо, в одном из них уже на полпути нас догнал работник милиции и подвез до моста, а там уже недалеко были остановка возле МРЭО ГАИ.

К нашему счастью один автобус все-таки прорвался в сторону Чернобыля. Из него выскочил мужчина (не знаю его ни имени, ни фамилии, но до конца своих дней буду ему благодарна, низкий ему поклон), схватил под мышки наших детей, молча затолкал нас в автобус, и так мы поехали в Чернобыль.

В Копачах наш автобус остановили, как тогда мне показалось, самые близкие и родные мне люди заведующим орготделом райкома партии Виталий Романович Мельник и лектор райкома Андрей Александрович Рубанов.

Они эвакуировали детей из Копачей в Лелев – центральную усадьбу совхоза «Комсомолец Полесья» С ними были парторг совхоза Борис Миронович Скорик и председатель Копачевского сельского Совета Александр Александрович Клебанов.

С этой минуты и до 2 июня дома я не была. Сказав дочери, что в Чернобыле ей помогут выйти с детьми из автобуса, я осталась со своими коллегами продолжать начатую ими работу.

Уму непостижимо, насколько даже мы, работники райкома партии, были не осведомлены о последствиях аварии, ведь даже уже к вечеру, проголодавшись, поехали съесть по кусочку сала с луком и выпить захваченную мной бутылку водки в сторону Припяти, а не в противоположную.

Около 10 часов вечера мы были уже в Чернобыле, и тут же В.Р.Мельник, отдав в мое распоряжение служебный автомобиль, попросил поехать в с. Черевач, привезти работника ДСУ-38 Моисея Григорьевича Нестеренко с ключами от домиков базы отдыха треста «Киевдорстрой», расположенной на берегу Киевского моря в Чернобыле. Здесь со мной приключилась неприятная история: собака хозяина прямо у калитки всей пастью вцепилась в мое колено, но предпринимать какие-то меры по обработке ран было некогда, нас ждала работа по подготовке жилья для прибывающих на ликвидацию последствий аварии людей. Уже на базе сторож обработал раны самогоном и перебинтовал.

До 4-х часов утра работники райкома партии и райкома комсомола Андрей Александрович Рубанов, Игорь Николаевич Заика, Нина Ивановна Матузченко, покойный уже Алёша Голубенко и другие носили в домики кровати, матрасы, постельные принадлежности, убрали, мыли, приводили все в порядок. Но и после этого из райкома домой никто не уходил, все продолжали нести свою трудовую вахту.

Наверное, в экстремальных ситуациях в человеческом организме срабатывают какие-то скрытые пружины, глубоко спрятанные резервы и силы. Никто не жаловался ни на усталость, ни на бессонные ночи. Нужно было идти в трудовые коллективы, говорить с руководителями, рабочими, тружениками сельского хозяйства, работниками учреждений, организаций, разъяснить создавшуюся обстановку, поднимать людей на затаривание в мешки песка: планировалась засыпка с воздуха разрушенного реактора четвертого блока АЭС. Лично мне проводить эту работу пришлось в Чернобыльской ремонтно-эксплуатационной базе флота, промкомбинате, быткомбинате, районном отделе культуры и других коллективах.

Второй секретарь райкома партии Виктор Михайлович Мерненко поручил мне руководить работами по загрузке песка в Чернобыльском карьере, возникшем на строительной площадке новых корпусов завода «Генератор». Там работали трудовые коллективы райсельхозхимии, промкомбината, быткомбината, райпотребсоюза и многих других предприятий, организаций и учреждений города. Особенно мне почему-то запомнились секретари партийных организаций районного объединения «Сельхозхимия». Николай Васильевич Корниенко и быткомбината Валентина Демьяновна Шевчук. Как сейчас вижу их глаза, даже в чем они одеты. У них не было других вопросов, кроме - в котором часу выходить

завтра. Люди самоотверженно работали в поту, в пыли по 10-12 часов в сутки. Они требовали только мешки и завязки.

Первый раз за мешками и шпагатом я ехала в колхоз «Дружба» с некоторой опаской. Председатель колхоза, ныне, к сожалению, тоже уже покойный, Александр Михайлович Чубук был прижимистым хозяином, и я боялась, что не дадут. А напрасно. Никаких вопросов, только: «Сколько?»

Жара стояла не апрельская, в карьер нужно доставлять не только тару. С председателем райпотребсоюза Николаем Ивановичем Власенко мы организовали обеспечение работающих бесплатно хлебным квасом, подвозили дефицитные продукты питания, предупредив людей, чтобы брали с собой деньги.

Интересный случай произошел, когда я в первый раз без ведома торговых работников хотела привезти в карьер бочку кваса вместе с продавцом. Бочка стояла на территории автостанции, а рядом в ларьке торговала Галя Новикова. На мою просьбу, отвезти бочку в карьер, она оказалась. Время близилось к 17 часам, а дома ее ждали маленькие дети. Я ее не могу осуждать, но на мою настоятельную просьбу она бросила мне ключи от бочки, и я решила заняться этим сама. При помощи дежурившего на трассе возле межколхозстройуправления милиционера остановила грузовой автомобиль, прицепили бочку и отвезли в карьер. Слава Богу, торговать мне не пришлось. Н.И.Власенко распорядился отпустить квас бесплатно.

На затаривании песка работали тысячи тружеников района. Во многих населенных пунктах на полях были открыты карьеры. Уже в конце мая мне приходилось видеть десятки парашютов и мешков на полях колхоза им. Ленина в с. Горностайполь.

Наряду с организацией работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС работники райкома партии готовились к Первомайской демонстрации. Уже был подготовлен репортаж прохождения колонн предприятий, организаций, учреждений, учебных заведений города, произведена его запись в районном узле связи. Не судилось.

Правительственной комиссией по вопросам ликвидации последствий аварии было принято решение о выселении населения из 30-ти километровой зоны вокруг ЧАЭС. Все работники райкома партии, райисполкома, райкома комсомола безвыездно находились в колхозах и совхозах района, в каждом населенном пункте.

С 30 апреля я уже работала в штабе Правительственной комиссии. 1 мая первую комиссию сменила вторая под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР Ивана Степановича Силаева.

Телефоны на столе в приемной райкома партии звонили непрерывно. Секретарям райкома приходилось решать сотни вопросов по подготовке к эвакуации населения района, имущества колхозов и совхозов, крупного рогатого скота, техники, десятки ситуаций, возникающих в ходе самой эвакуации. Эвакуация проводилась ночью. Мне запомнился звонок работника райкома комсомола Нины Ивановны Матузченко 4 мая в 2 часа ночи из Толстого Леса.

– Мы выезжаем, – сказала она. О начале эвакуации докладывали все работники райкома партии и райкома комсомола. 3-4 мая гул в Чернобыле стоял невообразимый. Автобусы, тяжелые «скотоводы», грузовые автомобили, вывозившие технику, все шли и шли через Чернобыль со всех сторон. В ночь и навсегда оставляли до боли родные места люди. А в этот день ведь был Великий День – Пасха. Этого словами передать нельзя.

4 мая в 9 часов вечера мне позвонил из Киева заместитель Председателя Совета Министров УССР Николай Федорович Николаев и сообщил, что в пределах 12 часов ночи в Чернобыль должны приехать пять высокопоставленных лиц из Москвы. Мне предстояло решить вопросы с руководством воинской части, расположенной в Чернобыле-2, об их устройстве на ночь и организовать их сопровождение в часть. Они прибыли ровно в 24-00: вице-президент академии наук СССР академик Евгений Павлович Велихов, министр транспортного строительства Союза Владимир Аркадьевич Брежнев, маршал инженерных войск Сергей Христофорович Аганов и другие. До четырех часов утра они обсуждали вопросы ликвидации последствий аварии. Затем наш сторож Д.Т.Чалый проводил их в Чернобыль-2.

Только Е.П.Велихов, сдвинув несколько стульев в зале заседаний бюро райкома партии, прикорнул на них до 7 часов утра.

Беда легла не только на плечи ответственных работников. Безотказно, в любое время дня и ночи выполняли необходимые распоряжения все технические работники райкома партии и райкома комсомола, не говоря уже о водителях служебных автомобилей, дневавших и ночевавших в населенных пунктах района. Нельзя не вспомнить сегодня о рядовых работниках Иване Николаевиче Гиденко, Владимире Дмитриевиче Климовиче, Галине Ивановне Бардык, Анне Антоновне Голубченко, Марии Яковлевне Чалой, Иване Федоровиче Авраменко (ныне покойный), Марии Петровне Паламарчук и многих других, готовых в то время прийти на первый зов, выполнить любую работу.

Особенно тяжелым был день эвакуации из г. Чернобыля. Решение Правительственной комиссии об этом долго не принималось, и только 5 мая утром пришлось пойти на этот шаг.

С покрасневшими от бессонных ночей глазами первый секретарь райкома партии Анатолий Никитович Амелькин, собрав коллектив и пряча глаза, объявил о решении комиссии.

Времени на сборы было отпущено мало. Кроме подготовки документов, партийным и комсомольским работникам необходимо было еще встретиться с трудовыми коллективами, жителями города, да и подготовить свои семьи к эвакуации.

Моя дочь с детьми к этому времени с подружкой и ее ребенком уже уехали к каким-то родственникам подруги. До середины мая я не знала, где она находится. Муж (тоже, к сожалению, уже покойный) эвакуировался без меня. С 26 апреля дома я не появлялась.

Чернобыльская районная типография

Кстати многие из детей не знали, где находятся их родители, а родители – где их дети. В один из дней после эвакуации Чернобыля поздно вечером мне позвонила секретарь Чернобыльского райкома партии Мария Ивановна Кулыба, сообщила номер телефона и город и попросила узнать, нет ли там сына управляющего районным объединением «Сельхозтехника» ныне покойного Ивана Григорьевича Лопатка.

Но сына там не было. Чуть позже его нашли в Московской больнице вместе с облученными пожарными. Витя Лопаток, одноклассник моей дочери, 26-ти лет похоронен на Митинском кладбище в Москве.

Здание Чернобыльского райисполкома

Так случилось, что и после эвакуации райкома партии мне пришлось остаться работать в штабе Правительственной комиссии. При мне сменилось три ее состава. 16 мая прибыл новый состав Правительственной комиссии во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Львом Андреевичем Ворониным.

Где-то на второй или третий день работы новой комиссии произошел такой случай. Может быть, первая половина мая по насыщенности работ по ликвидации последствий аварии была более напряженной, но у нас не было времени на эстетические таблички на дверях кабинетов, где размещались отдельные службы комиссии. В то время у нас не было ни машинистки, ни уборщицы, ни другого обслуживающего персонала. Вся документация выходила написанная от руки. И бумажки на дверях кабинетов тоже были написаны от руки и приколоты кнопками. Мы на это просто не обращали внимания. Даже первые пропуска в зону, которые попросил меня изготовить секретарь Киевского обкома партии, ныне покойный Юрий Михайлович Соколов, были сделаны из цветной бумаги при помощи линейки, ножниц и клея. На фоне зеленого треугольника на одних были наклеены красный квадрат, на других – круг, на третьих – треугольник

поменьше. На них, конечно, стояли подписи руководителей необходимых служб и предназначались они для въезда в разные зоны. Просуществовали они недолго.

Помощник же Л.А.Воронина В.Т.Тугов где-то раздобыл или с собой привез узкий разноцветный скотч (для меня тогда он был еще в диковинку), изготовил ровные, написанные печатными буквами таблички и принес ко мне на стол, высокомерно приказав их поприклеивать к дверям.

У меня на столе стояло три телефона и каждый из них поминутно звонил. Возможности оставить работу у меня не было и, естественно, таблички пролежали у меня на столе час или два, в течение которых Тугов трижды делал мне замечание. На третий раз меня взяла такая злость, что я, встав из-за стола, сказала: «Если эти вывески помогут сейчас же ликвидировать последствия аварии на АЭС, то я оставляю все и сделаю это мгновенно». Опешив от такого отпора, Тугов сам сделал эту работу».

За все время моей работы в штабе Правительственной комиссии мне пришлось сорваться еще один раз Но это было раньше. 5-го или 6-го мая в 5 часов утра в приемную поднялся молодой человек, невысокого роста, щупленький и сел передо мной на стул. На мое: «Я Вас слушаю» он швырнул мне на стол накладные на какой-то груз, ничего не объясняя. На повторный спокойный вопрос он разразился тирадой: «Она меня слушает. Сидит здесь за столом, и она меня слушает. Я ночь не спал, ехал сюда их спасать, а она меня слушает».

Я на это время не спала уже девять ночей. К тому же перед ним сидела женщина и намного старше его. Вот тогда меня и понесло. В жизни не ругалась матом, но здесь гнала его до лестницы со второго этажа, вспоминая всех матерей и не только, пока перепуганный милиционер не подоспел с первого этажа здания.

На 5 мая, включая и Чернобыль были эвакуированы жители из 51 населенного пункта района. Но на этом эпопея эвакуации не окончилась. Уже 7 мая мне из Бородянки позвонил второй секретарь райкома В.М.Мерненко с просьбой срочно выехать в колхозы им. Мичурина с. Дитятки и «Шлях до коммунизма» с. Рассоха и провести там работу по подготовке к эвакуации населения еще из пяти сел района. Итак, 8 мая были выселены Андреевка, Бычки, Иловница, Рассоха и Терехи.

Вопросы эвакуации отдельных граждан приходилось решать еще не один раз после основной эвакуации. То в Копачах остались пожилые люди, то в Чернобыле в переулке Мира обнаружили прикованного к постели старика и его старушку – жену. Пришлось вызывать из Иванкова скорую помощь и увозить стариков.

Хозрасчетный магазин ОРСа ЧССРЗ

10 мая позвонил секретарь парткома колхоза «Заповиты Ильича» Николай Александрович Зайцев с просьбой съездить в с. Глинку. Там осталась не эвакуированная семья, спрятавшись во время выезда односельчан. Это был особый случай. Я с водителем Лёней Смутьским под вечер поехала в Глинку. В селах тишина, только по улицам бегают куры, коты и собаки. К тому времени собаки уже одичали без людей. Нашли мы в Глине нужный адрес, издали заметили в огороде двух женщин, подъехали поближе к огороду, а выйти из машины не можем. Собаки, целая стая, окружили машину и подняли такой лай, что впору сматываться скорее. Но идти-то к людям нужно, тем более, что они поприседали в огороде, увидев нашу машину. Тогда мой бесстрашный водитель выбрался из машины, взял рядом лежащую большую палку и, отгоняя собак, дал мне возможность приблизиться к огороду и поговорить с людьми. Они пообещали по приезду из не эвакуированного села их хозяина выехать к своим землякам.

Стоквартирный жилой дом

Кстати, о водителях. Уже упоминаемый мной Ю.М. Соколов договорился с Киевским АТП 09102 управления «Киевпасавторанс» (его начальником тогда был Анатолий Никифорович Зимин) о командировании в распоряжение Правительственной комиссии пяти легковых автомобилей – такси «Волга». Водители все очень молодые ребята, кроме Леонида Ивановича Смутьского. Не могу с чувством большой благодарности не назвать их фамилий. Это Александр Григорьевич Кольцов, Сергей Витальевич Луцкай, Анатолий Николаевич Процел, Сергей Борисович Шевченко.

Нужно отдать им должное. На протяжении месяца они безотказно выполняли любое поручение, выезжали с членами Правительственной комиссии в самые горячие точки. Работали с 6-30 утра и до 24 часов ежедневно.

Не помню уже какого числа ночью случился пожар на АЭС (горели кабели), но было это после 12 мая (**23 мая 1986 г. – прим.ред**), так как только после этого дня я стала выезжать из Чернобыля на ночь в с. Губин. В ночное время меня начали сменять лектор райкома партии А.А.Рубанов, инструктор И.Н.Заика и зав. кабинетом технической информации Алёша Голубченко. Так вот в эту ночь Лёня Смутьский посчитал своим долгом поднять и меня и отвезти в Чернобыль, где уже собрались все члены Правительственной комиссии.

В тот день, когда мы возвращались из Глинки, в Корогоде встретили группу его жителей, приезжавших в свои покинутые дома, взять кое-какие пожитки. У них сломался автобус, а дело шло уже к вечеру. Пришлось мне ехать прямо в Ивановское АТП. Без вопросов Виталий Павлович Прохорчук отправил за людьми другой автобус.

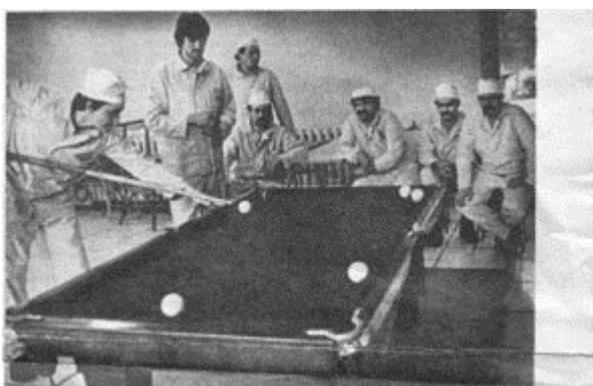
Давно очень точно подмечено, что человек познается в беде. Хочу просто сравнить двух руководителей Правительственной комиссии Ивана Степановича Силаева и Льва Андреевича Воронина. Я уже говорила, что в первые недели после эвакуации Чернобыля у нас не было технических работников, не работали столовые и ресторан. Девушку-парикмахера привезли к нам, когда уже просто необходимо было постричься. И жару, и другие бытовые проблемы И.С.Силаеву приходилось переносить наравне со всеми другими. И никто не роптал, ничего не требовал. У нас на это просто не было времени.

Пуща Водица. Реабилитационный центр

Совсем другое дело при Л.А.Воронине. С ним приехали пять, а не два, как было у Силаева, помощников. Кроме срочно замененных вывесок на дверях кабинетов вместо обыкновенных листочков бумаги, через пару дней после приезда комиссии, возглавляемой Ворониным, заместитель министра МВД УССР генерал Виталий Дмитриевич Пицюра за 1 час 45 минут доставил из Киева огромный, на пол кабинета первого секретаря райкома партии, кондиционер с длинными шлангами для воды. Воронину начали в кабинет привозить обеды и полдники. Забота о себе прежде всего, хотя немалый груз по ликвидации последствий аварии лег и на его плечи.

Мне пришлось общаться со многими людьми высокого ранга. Особенно с большой теплотой вспоминаю первого заместителя министра энергетики СССР Станислава Ивановича Садовского. Увидев однажды ночью, что я прилегла отдохнуть на сдвинутых стульях, он принес откуда-то подушку и солдатское одеяло.

Пуца Водица. Реабилитационный центр

Параллельно с обязанностями штаба Правительственной комиссии какой только работы не приходилось мне выполнять: уборщица, буфетчица, официантка, завхоз, аптекарь, дежурный, всего не перечислить. Ведь сразу после эвакуации Чернобыля членам Правительственной комиссии негде было централизованно питаться. Слава Богу, они во главе со скромным прекрасной души человеком И.С.Силаевым были не привередливы, а Ивановский райпотребсоюз (председателем тогда был Дмитрий Никитович Бондаренко) начал привозить нам бутерброды, кофе, молочные продукты, минеральную воду и другие напитки. Так что члены Правительственной комиссии, работники различных служб и даже приезжающие к нам могли перекусить на ходу. Как сейчас вижу перед собой в неизменной цвета хаки робе и темно-синем берете тогдашнего заместителя председателя Совмина УССР Виталия Андреевича Масола, министра угольной промышленности СССР, немолодого уже человека Михаила Ивановича Щадова, заместителя главного инженера института «Гидропроект» Владимира Ивановича Конвиза, первого заместителя министра энергетики СССР Станислава Ивановича Саудовского, улетающих на вертолете к разрушенному реактору рано утром и возвращавшихся поздно вечером, голодных и уставших, просивших дать им хоть чашечку кофе. К счастью, можно было и покормить. Секретарь обкома партии

Ю.М.Соколов и о холодильнике позаботился. Воду кипятила в электрочайниках. Киевское облуптекоуправление и заведующий Горностайпольской аптекой Виталий Тимофеевич Окунь снабжали нас медикаментами.

Пуца Водица. Реабилитационный центр

Возле меня в приемной стоял на тумбочке ящик с медикаментами и йодированными таблетками. Мы заставляли принимать их всех вновь прибывающих в Чернобыль работников СМИ, специалистов, представителей советских и партийных органов, всем кто впервые появлялся в приемной Правительственной комиссии.

Мой кабинет на первом этаже был доверху заставлен ящиками с минеральной водой и другими прохладительными напитками. Ежедневно из Иванковского райпотребсоюза я получала по 40-60 ящиков с водой. Львиная доля их уходила к шахтерам, а их было более 380 человек, прокладывающих 136-метровый тоннель к основанию четвертого блока, прозванного ими «Дорогой жизни». Им было там очень трудно и очень жарко.

У меня до сих пор хранятся все накладные на воду и продукты, получаемые из Ивановского райпотребсоюза.

В экстремальной ситуации как простые, сердечные, отзывчивые люди показали себя заместитель Председателя Совета Министров УССР Виталий Андреевич Масол, Павел Евменович Есипенко, министры минтрансстроя СССР Владимир Аркадьевич Брежнев, углепрома – Михаил Иванович Щадов, МВД УССР Иван Дмитриевич Гладуш и его заместители Виталий Дмитриевич Пицюра и Иван Никифорович Каторгин, первый заместитель Председателя Госснаба УССР Анатолий Каленикович Минченко, генерал-майор авиации Николай Антошкин, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза, и многие, многие другие. У меня в записной книжке их более двухсот фамилий.

В самых горячих точках работал заведующим отделом Киевского обкома партии, ныне, к сожалению, покойный, Василий Иванович Стогний. Его командировочное удостоверение от 28 апреля 1986 года почему-то оказалось у меня среди других документов. Храню его как память о добром друге и хорошем работнике.

А сколько сотен работников различных служб и СМИ прошло через приемную Правительственной комиссии и не сосчитать.

Пуща Водица. Реабилитационный центр

Все время моей работы в штабе в зоне работала группа работников «Укркинохроники» во главе с режиссером Владимиром Шевченко. Это Юрий Михайлович Терещенко, Иван Иванович Крипченко, Владимир Васильевич Таранченко, Владимир Дегтярь, Андрей Викторович Смородинов. Однажды во время съемок вблизи атомной станции их РАФ попал под дезактивирующую жидкость, рассеиваемую из самолета над лесом. В это время на крыше автомобиля находился В.Н.Шевченко. Светлая ему память. Нет среди нас Владимира Никитовича с первых месяцев после аварии.

Наравне с этой группой работали кинорежиссер «Информэнерго» Аликпер Мамедович Азаев, корреспонденты различных газет, телевидения и радио.

9 мая заместитель начальника ВПО «Союзэнерго» Евгений Иванович Игнатенко и доцент Ленинградского института Эдуард Саакович Сааков, проникнув через отверстия в фундаменте четвертого блока и узнав, что в барботерах – специальных резервуарах под блоком воды нет, принесли в комиссии радостную весть – опасность теплового взрыва отступила. Они одними из первых были награждены премией в 1 000 рублей. Тогда и я получила письменную благодарность от И.С.Силаева и премию в размере 300 рублей.

В этот же день в Москву к еще живым пожарным и другим работникам атомной станции улетал первый заместитель директора института им. Курчатова Валерий Алексеевич Легасов в надежде из первых уст получить сведения о причинах аварии.

Свои впечатления от этой встречи с умирающими от облучения людьми и другие вопросы о причинах Чернобыльской катастрофы он изложил в статье, опубликованной в газете «Правда» и написанной незадолго до того, как этот большой специалист в атомной энергетике, ученый и вообще прекрасный человек, с которым мне довелось работать долгое время после аварии, свел трагические счета с жизнью.

Из дня в день мы ждали приезда М.С.Горбачева. Фамилия не называлась, но в разговорах то и дело проскакивало слово «Первый». Ждем «Первого», «Первый» приедет завтра, послезавтра, звонили от «Первого» и т.д. К сожалению, прошло

четыре года, пока этот горе-руководитель страны соизволил увидеть своими глазами последствия неразумного решения своих предшественников.

Передо мной лежит стопка листиков-черновиков, исписанных на скорую руку, сокращенными словами. Ленинград, Симферополь, Горький, Трубчевск, Красноярск, Иркутск, Ереван, Новополоцк, Челябинск, Сургуч, Москва, Владивосток... Города, города, города... Только на их перечисление уйдет несколько страниц.

Это все телеграммы, поступившие в то трагическое время в штаб Правительственной комиссии. В преобладающем большинстве из них предложения своим трудом, знаниями, опытом оказать безвозмездную помощь в ликвидации последствий аварии за счет своего отпуска, согласие выполнять любую работу.

Из телеграмм:

Челябинск: ... трудом желаю оказать помощь братским украинским жителям. Согласен применить строительную специальность как живую производительную силу. Очередной отпуск с 1 июня по 1 августа отработаю безвозмездно.

Дячков Николай Михайлович.

Сургуч Тюменской: Прошу включить меня в состав действующего подразделения. Имею опыт работы с изотопами. Являюсь начальником дозиметрической службы штаба главка. Владею специальностями электросварщика, газорезчика, машиниста-трубоукладчика. Готов выполнять любое задание.

Малахов Л.З.

Жданов Донецкой: Участник войны, танкист, начальник штаба ГО управления механизации комбината «Ждановстрой». Отработаю свой отпуск на АЭС на любых работах.

Черненко Борис Михайлович.

Белгород: ... Безвозмездно хочу помочь любых работах аварии АЭС, 23 года из 46 служил радиотелеграфистом.

Пал Н.К.

Кишинев:... Кому передать лекарства, которые творят чудеса?

Доцент Тодыка Михаил Петрович.

Москва: В связи с поставленной правительством задачей по укреплению здоровья людей после аварии как врач не имею права быть в стороне. Готов принять самое активное участие в этой ответственной работе.

Доктор медицинских наук Султанов.

Подобных телеграмм мы получали в день по несколько штук. Их из Бородянки передавала нам телефонистка Чернобыльского райузла связи Кайдаш. К сожалению, не знаю ее имени и отчества.

А вот телеграмма из Новополоцка Витебской области, что в Белоруссии, по которой, имея только адрес политехнического института, я уже через 15 минут после ее получения разговаривала с ректором Петром Ивановичем Шведом.

Ректорат Новополоцкого института в целях дезактивации промышленных площадок, дорог, кровель, тротуаров предлагал состав технологического изготовления асфальтополимербетона, содержащего полиэтиленовый воск, разработанный на Новополоцком химкомбинате, и группу практической помощи. Это предложение заинтересовало Правительственную комиссию, и мне было поручено связаться с руководством института немедленно.

Только благодаря высокой ответственности работников связи мне это удалось. В Чернобыль на следующий день прибыла группа в составе профессора Бориса Тимофеевича Надыко, старшего сотрудника института Кулеша Андрея Васильевича и старшего инженера Кулеша Геннадия Васильевича.

4 июня я уже была в Октябрьской больнице г. Киева. После месячного лечения в ней мне предложили переехать в 25 клинику, так как в больнице начался ремонт. Но как было продолжать находиться в больнице, когда мои коллеги в это время решали вопросы быта, питания и другие жизненно важные вопросы людей, покинувших свой родной кров и поселившихся в чужих семьях Бородянского и Макаровского районов?..

*Июнь 1986 года, г. Киев, Октябрьская больница,
В.М.Калиниченко (крайняя справа) с работниками ЧАЭС, с лечащим врачом*

5 июля я была уже на работе в своем родном райкоме, а через 2 дня с 7 по 9 июля с работниками облсовпрофа объезжали трудовые коллективы, размещенные в с. Страхолесье, поселке на воде «Белый пароход», в Чернобыле, а также 7 оставшихся не эвакуированных селах района с целью выяснения бытовых условий, оплаты труда, торгового обеспечения и т.п.

Среди всех этих воспоминаний есть одно особенно горькое. Сколько же не свершившихся планов, не сбывшихся задумок осталось на Чернобыльской земле. Как будто в предвестии беды на бюро райкома партии было утверждено задание по строительству и реконструкции объектов культурно-бытового назначения. Душой этих больших начинаний был второй секретарь райкома партии Виктор Михайлович Мерненко. Под его руководством был основательно реконструирован городской стадион, начаты работы по переоборудованию гаражей Лелевского лесничества под спортивный клуб с сауной. В городе были открыты детское кафе, оборудованы детские аттракционы в парке возле ресторана, завезено оборудование для создания исторического музея района, подготовлена документация для строительства нового Дома культуры, выискивался каждый свободный уголок, где бы можно было создать уютное место культурного отдыха

20 апреля на площади возле кинотеатра «Украина» проведено на редкость удавшееся мероприятие открытия Второго всесоюзного фестиваля

художественной самодеятельности. Заведующая отделом культуры Нина Ипполитовна Молот была на «седьмом небе» от красочного выступления коллективов художественной самодеятельности района. И это было только начало. К сожалению, и конец. Через неделю все рухнуло, все кануло в Лету. Не могу без слез смотреть на несколько десятков пунктов «Задания», которым не суждено было осуществиться.

Но жизнь продолжалась.

Волнующим и в то же время грустными были дни расселения жителей района в новых, специально построенных для них селах. Теперь уже окончательно знали, что родные места покинуты навсегда. Во всяком случае для того поколения и еще, наверное, нескольких.

Мы старались хоть как-то скрасить эти мероприятия, поднять у людей дух, вселить надежду на счастливое продолжение их жизни на новых местах.

Вот передо мной лежит сценарий открытия поселка для эвакуированных из с. Ладыжичи в с. Сукачи Иванковского района.

Работники Чернобыльского и Иванковского райкомов партии сделали все зависящее от них, чтобы сделать этим осиротевшим, оторванным от малой своей родины людям праздник, дать возможность хоть на время забыть о постигшей их беде.

На радиофицированной, с микрофонами площади разместились торговые палатки, стилизованные под украинский народный ярмарок с надписями „Хай щедро родить у вашій господі“, „Гарна хата красою, а дівка косою“, „Все для дому“, „Дрібниці до вашої світлиці“ и т.п.

Поселок возвели строители Кировоградского облгостроя. Поэтому сюда в этот день приехал председатель Кировоградского облисполкома Владимир Иванович Желоба с коллективами художественной самодеятельности области, а также председатель Киевского облисполкома Иван Степанович Плющ с ведущими профессиональными артистами и участниками художественной самодеятельности Киевщины.

После митинга, посвященного открытию нового поселка, председатели облисполкомов разрезали ленту, преграждающую вход на улицу Кировоградскую и пригласили будущих жителей поселка занять предназначенные для них дома. У калитки каждого дома хозяев с хлебом-солью встречали девушки в национальных украинских костюмах и строители с ключами. В честь рождения поселка был открыт памятный знак. А ведь строился этот поселок, как и десятки других населенных пунктов для размещения эвакуированных, за 3-4 месяца.

Не знаю, может я и не права, но, не дай Бог, случись эта катастрофа в нынешнее время. Можно судить по Закарпатья, сколько лет пришлось бы скитаться людям по чужим углам!

20 ноября 1986 года основной состав работников райкома партии, райисполкома, райкома комсомола, всех районных служб и отдельных организаций, райбольницы возвратились работать в район и разместились в с. Горностайполь – самом большом из неэвакуированных населенных пунктов района.. Жили мы сначала в колхозном доме для приезжих, а потом в новом доме, построенном для учителей Горностайпольской СШ. Жизнь шла своим чередом. Сеяли, заготавливали корма, убирали урожай, строили памятники и памятные знаки, проводили праздники и вечера «От все души» (а душой их в большинстве случаев была заведующая районным отделом культуры Нина Ипполитовна Молот), слушали жизненно важные вопросы на пленумах и бюро райкомах партии, дезактивировали крыши домов в 30-километровой зоне. Всего не перечесать.

Вспоминается один из эпизодов, произошедших в ходе подготовки на бюро райкома партии вопроса о работе районного отдела внутренних дел. Мне было поручено проверить, как обстоят дела при прохождении через КПП транспорта, отдельных лиц и т. п.

Так вот, поздно вечером через Дитятковский КПП из зоны возвращался грузовой автомобиль с солдатами, производившим валку «рыжего» леса возле АЭС. Перед прохождением установки дозиметрического контроля солдат из машины высадили. Машина прошла через установку спокойно, а когда начали проходить солдаты, визг и свечение установки были невероятными. Сопровождающий их работник милиции проделал следующий эксперимент. Пошел в сторону установки с противоположной стороны дороги, держа перед собой на вытянутой руке фуражку. Метра за 3 до установки она опять истерически зазвонила и засветилась. Такую вот дозу облучения получали эти бесстрашные люди в рыжем лесу, а потом чиновники при обмене чернобыльских удостоверений выворачивали из них душу, требуя первичных документов их работы в зоне.

Бывало, и даже очень часто, такое.

В 1993 году Чернобылю исполнилось 800 лет. Естественно, мы не могли оставить эту дату без внимания. Так как в г. Броварах проживал и работал основной состав работников бывших партийных, советских, и комсомольских работников Чернобыльщины, мы создали оргкомитет для проведения в Чернобыле акции «Скорби, Печали, Памяти» в составе бывших заведующего отделом пропаганды и агитации райкома партии Александра Леонидовича Евдоченко, лектора Андрея Александровича Рубанова, инструктора Игоря Николаевича Заики, заведующей отделом культуры Н.И.Момот, инструктора райисполкома Александра Владимировича Жмуры и меня. Задолго до проведения акции обратились с воззванием к бывшим трудовым коллективам и жителям района, переселенным во многие уголки Украины, в котором были, в частности, такие слова: «Всех, кто

искренне сохраняет в своем сердце память о родном доме, друзьях, товарищах, односельчанах, о прекрасной Чернобыльской земле, приглашаем принять участие в акции «Скорби, Печали, Памяти»...

Несколько сотен чернобылян съехались 9 мая 1993 года на родную землю. Большой колонной с гирляндами, цветами, знаменами прошли они от кинотеатра «Украина» до парка Славы, провели митинг, отдали дань памяти погибшим за район в Великой Отечественной войне и умершим. Аксию Памяти провели также на городском кладбище, куда были приглашены священники и певчие с нескольких приходов.

Радужные встречи друзей и знакомых, слезы радости и печали, поцелуи встреч и прощаний на всю жизнь запомнились участникам акции. Так хочется надеяться, что наши дети и внуки не забудут о Чернобыле и в его последующие юбилейные даты.

Как бы там ни было, а народ наш в любых условиях горазд на шутки-прибаутки, фольклорное творчество, иногда, правда, и горькое, ироничное, применительно к тем же условиям.

Однажды, в первые дни после эвакуации, кто-то из приехавших из Киева спросил меня: «Валентина, ты знаешь, какую водку на днях начали выпускать в Киеве? – на мой немой вопрос, – Чернобыльская искристая, 40 рентген в час».

Встреча бывших работников райкомов партии и комсомола, райисполкома, предприятий, организаций, колхозов и совхозов Чернобыльского района в различных уголках Чернобыльщины

Ностальгія

Не зібрати нам друзів у коло,
Доля зла нас розкидала скрізь,
Та чорнобильських років ніколи
Ми не згадуватимемо без сліз.
Не забути нам кручі зелені,
Світлі ріки, квітучі луги,
Ой, яка ж там краса, моя нене,
Яка синь, яка даль навкруги.
Ті ліси, переповнені збіжжям,
Де грибами покрита земля,
Де засланий квітковим узліссям
Рідний край мій, кровинко моя.
Залишились навіки там рідні
Діти, сестри, батьки, матері,
Що лежать у землі моїй бідній,
Вкриті атомним пилом вгорі.
Спочиваюсь під атомом мирним,
Що приніс в наші сім'ї біду,
Що зробив нам життя неймовірним,
Раптом збивши із ніг на ходу.

Валентина Калиниченко

Встреча друзей возле Памятного знака воинам-освободителям Чернобыльского района

Встреча 26 апреля в один из послеаварийных годов. Бывшие первый секретарь Чернобыльского райкома партии Анатолий Никитович Амелькин и заместитель Киевского облисполкома Николай Степанович Степаненко

Вместо послесловия

В декабре 1987 года на работе в Горностайполе со мной случился инсульт. Пережито было все: паралич, неверие моих коллег, что я вернусь в коллектив, но сила воли, отсутствие какого либо страха за свое будущее помогли мне через три месяца стать в строй, вернуться на свое прежнее место работы, пережить упразднение Чернобыльского района и продолжать нормальную, полноценную жизнь.

По поводу связи моих болезней с Чернобыльской катастрофой я обратилась только после ухода на пенсию и в конце января 1998 года получила документ об инвалидности.

Пишу это все к тому, что перерасчет пенсии по инвалидности, предоставив справку о заработной плате, которую я должна была бы получить за май 1986 года, выданную мне Киевской областной государственной администрацией в марте 1998 года и предоставленную тогда в управление социальной защиты Броварского райисполкома, я получила только в июне 2000 года. За эти более чем два года я дважды обращалась к Президенту Украины Л.Д.Кучме, несколько раз в Министерство труда и социальной политики, в Управление социальной защиты населения Киевской облгосадминистрации, в другие инстанции. В ответ только «отписки».

В расчет не брались ни маршрутные листы, ни статьи из газет и журналов о моей работе, ни письменная благодарность И.С.Силаева за организацию круглосуточной работы штаба Правительственной комиссии, ни награда за участие в ликвидации последствий аварии, ни письменное подтверждение тогдашнего второго секретаря и других работников райкома партии. В городском Управлении социальной защиты населения требовали только табель учета рабочего времени, которого у меня не было и быть не могло, т.к. такие табеля не сдаются в архив и сохраняются в документах предприятий или организаций только один год. И только благодаря руководителю секретариата

облгосадминистрации Владимиру Васильевичу Семяниковскому и заведующей юридическим отделом администрации Ольге Александровне Серовой, которые специально создали при госадминистрации конфликтную комиссию по трудовым спорам, в июне 2000 года на ее заседании была подтверждена достоверность выданной мне в марте 1998 года справки о зарплате, принято решение об установлении продолжительности моего рабочего дня в зоне, я смогла добиться перерасчета пенсии. За это время я потеряла более 4 тыс. гривен.

И еще один вопрос интересует меня. Почему нарушается ст.. 48 Закона Украины «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы»?

Как определили дополнительную пенсию за ущерб здоровью, 30% от минимальной пенсии по возрасту, установленной десяток лет назад чуть более 40 гривен, так 12,47 грн. выплачивают и до сих пор, хотя минимальная пенсия менялась за это время несколько раз.

К тому же инвалидам II группы должны доплачивать 75% минимальной пенсии по возрасту. А мне эти 12,47 грн. уже более 10 лет начисляют...

У памятника пожарным

Впервые за 18 лет я делюсь своими воспоминаниями.

Все как-то неудобно было, но, просмотрев почти годовую подшивку вашей газеты, решила и себе написать. Тем более, у меня есть что вспомнить.

По воле случая с 30 апреля по 1 июня 1986 года я работала секретарем штаба Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Затем с июля 1986 года по 7 января 1989 года работала в 30-километровой зоне и вне ее, так как тогда я была заведующей кабинетом политпросвещения Чернобыльского райкома партии.

В первые недели после эвакуации я была единственной женщиной, как тогда говорили и писали, в «мужском городе».

За участие в ликвидации последствий аварии награждена орденом «Дружбы народов». Не для хвастовства, а для подтверждения посылаю вам часть публикаций в газетах и журналах.

После упразднения Чернобыльского района с января 1989 года работала сначала заведующей орготделом Броварского райисполкома, а затем управляющей делами исполкома, руководителем секретариата Броварской районной государственной администрации. В 60 лет ушла с этой работы на пенсию. Уже восьмой год на заслуженном отдыхе.

Посылаю вам кроссворд. С ним в апреле 1996 года принимала участие в капитал-шоу «Поле чудес».

**С уважением Калиниченко В.М.,
г. Бровары, 02.04.2004 г.**